

«Точка невозврата»: демографическая динамика на Дальнем Востоке СССР в годы перестройки (1985–1991)

Елена Николаевна Чернолуцкая,

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: chvalery@mail.ru

В статье раскрываются генезис и хронология вхождения Дальнего Востока в затяжной демографический кризис в годы перестройки. Выявлена специфика краёв и областей региона в этом процессе. Проведена корреляция ежегодных статистических сведений по общему, естественному и миграционному приросту наличного и постоянного населения. Доказано, что в структуре начавшейся негативной динамики народонаселения определяющим был миграционный отток, возрастающие масштабы которого имели тесную зависимость от специфики и «запаса прочности» местной экономико-социальной сферы.

Ключевые слова: демографический кризис, миграционный отток, перестройка, Дальний Восток СССР.

“The point of no return”: the demographic dynamics in the Far East of the USSR in the years of perestroika (1986–1991).

Elena Chernolutskaia, Dr. Sc. (History), Leading Researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok.

The article describes the Genesis and chronological line of the Far East entering into protracted demographic crisis in the years of perestroika. Specifics of the Far Eastern territories in this process is revealed. The author has carried out a correlation of the annual statistical information on the total, natural and migration increase of present (de facto) and resident (de jure) population. It is shown that the determining segment in the structure of the beginning negative dynamics of population was migration outflow, increasing the scale of which had close dependence on the specifics and strength reserve of local economic-social sphere.

Key words: demographic crisis, migration outflow, perestroika, the Far East of the USSR.

Для СССР период второй половины 1980-х гг., вошедший в историю под именем «перестройка», как известно, стал провалом экзамена на прочность советской системы. Реформы, нацеленные на модернизацию и укрепление социалистического государства, обернулись его крахом. Их разрушительное действие испытали и демографические процессы.

Цель данной статьи — раскрыть генезис и обозначить хронологию вхождения Дальнего Востока¹ в затяжной демографический кризис, что требует проведения сравнительного анализа как «по вертикали» (перестроечного этапа с предыдущими), так и «по горизонтали» (определение специфики краёв и областей). В такой постановке эта проблема учёными не рассматривалась. Однако в историографии существуют ценные разработки, в которых показаны различные стороны экономического, социального и демографического развития Дальнего Востока в позднесоветский период (Л.Л. Рыбаковский, Е.Л. Мотрич, П.А. Минакир, А.С. Ващук, В.Л. Ларин, А.Н. Пилясов, В.В. Щеглов и др.). Свой анализ мы будем строить с опорой на работы названных исследователей.

Основным видом источников в данной статье выступают материалы статистики. Однако их использование затруднено несовершенством учёта некоторых демографических параметров. Наиболее точно, как правило, фиксируются показатели естественного воспроизводства, наименее — миграционного процесса, что влечёт расхождение соответствующих сведений в разных статистических изданиях. Общую численность наличного населения (совокупность людей на данной территории на определённый момент времени) по краям и областям определяли до 1991 г., а по постоянному населению доступные систематические сведения появились только с 1990 г. После переписи 1989 г. опубликованная ранее информация о предыдущих годах корректировалась. Таким образом, имеющиеся сведения плохо поддаются корреляции. Не случайно при изучении периода перестройки исследователи оперируют, как правило, суммарными итогами за пятилетие.

В нашей же работе важно проследить годовые изменения. С этой целью автором составлены два динамических ряда, один из которых (1985—1991 гг.) показывает наличное население (в пересчёте от материалов переписи 1989 г.), а второй (1990—1993 гг.) — постоянное. Естественный прирост приводится по официальной статистике, а миграционный рассчитан как разность между общим и естественным (табл. 1, 2).

Для демографического развития российского Дальнего Востока период перестройки имеет принципиальное значение: именно тогда регион достиг поворотной точки магистральной линии своей предыдущей истории, заключавшейся в неуклонном росте населения, темпы которого в советское время были самыми высокими в стране. Не секрет, что главным фактором этого была государственная миграционная политика, направленная на привлечение трудовых ресурсов. Власть использовала методы мобилизации, принуждения, стимулирования добровольных переселений, сочетание которых менялось от этапа к этапу, определяя каждый раз не только объём материальных затрат, но и гуманистическую цену наращивания человеческого потенциала. В свою очередь миграции, несущие в регион потоки молодых и трудоспособных людей, влияли на увеличение естественного воспроизводства.

¹ Дальний Восток рассматривается без Якутии.

Таблица 1

Динамика численности наличного населения краёв и областей Дальнего Востока и её компоненты в 1986—1991 гг. (тыс. чел.)

	Численность населения (на 1 января)	Общий прирост за год	Естественный прирост за год	Миграционный прирост за год
Приморский край				
1986	2153,1	29,1	20,5	8,6
1987	2182,2	41,2	20,8	20,4
1988	2223,4	35,0	17,9	17,1
1989	2258,4	22,7	14,9	7,8
1990	2281,1	18,5	12,8	5,7
1991	2299,6	9,7	7,7	2,0
1986—1990		146,5	86,9	59,6
Хабаровский край				
1986	1737,5	32,7	19,5	13,2
1987	1770,2	32,2	20,8	11,4
1988	1802,4	22,1	17,1	5,0
1989	1824,5	15,2	14,1	1,1
1990	1839,7	11,0	11,3	-0,3
1991	1850,7	8,3	7,8	0,5
1986—1990		113,2	82,8	30,4
Амурская область				
1986	1018,4	14,5	12,9	1,6
1987	1032,9	12,9	12,5	0,4
1988	1045,8	12,0	10,7	1,3
1989	1057,8	8,4	9,1	-0,7
1990	1066,3	7,4	8,0	-0,6
1991	1073,7	1,5	5,6	-4,1
1986—1990		55,2	53,2	2,0
Камчатская область				
1986	436,2	9,2	5,3	3,9
1987	445,4	10,0	5,2	4,8
1988	455,4	10,7	5,0	5,7
1989	466,1	3,7	3,7	0,0
1990	469,8	3,0	2,9	0,1
1991	472,8	2,5	2,5	0,0
1986—1990		36,6	22,1	14,5
Магаданская область				
1986	533,7	6,8	7,5	-0,7
1987	540,5	5,3	7,3	-2,0
1988	545,8	-2,9	6,5	-9,4
1989	542,9	-3,6	5,4	-9,0

Окончание табл. 1

	Численность населения (на 1 января)	Общий прирост за год	Естественный прирост за год	Миграционный прирост за год
1990	539,3	-5,6	4,7	-10,3
1991	533,7	-20,8	3,6	-24,4
1986—1990		0,0	31,4	-31,4
Сахалинская область				
1986	689,2	8,5	7,3	1,2
1987	697,7	8,1	7,6	0,5
1988	705,8	3,8	6,7	-2,9
1989	709,6	3,5	5,5	-2,0
1990	713,1	4,4	4,3	0,1
1991	717,5	1,9	2,6	-0,7
1986—1990		28,3	31,4	-3,1
Всего по ДВ				
1986	6568,1	100,8	73,0	27,8
1987	6668,9	109,7	74,2	35,5
1988	6778,6	80,7	63,2	17,5
1989	6859,3	50,0	52,7	-2,7
1990	6909,3	38,7	44,7	-6,0
1991	6948,0	3,1	29,8	-26,7
1992	6940,1			
1986—1990		379,9	307,8	72,1

Составлено автором по: [5, с. 4—10; 22, с. 153; 10, с. 13].

Таблица 2

Динамика численности постоянного населения краёв и областей Дальнего Востока и её компоненты в 1990—1993 гг. (чел.)

	Численность населения (на 1 января)	Общий прирост за год	Естественный прирост за год	Миграционный прирост за год
Приморский край				
1990	2 296 684	13 017	12 740	277
1991	2 309 701	4 830	7 257	-2 427
1992	2 314 531	-11 752	468	-12 220
1993	2 302 779	-18 709	-7 766	-10 943
Хабаровский край				
1990	1 837 993	6 169	11 297	-5 128
1991	1 844 162	485	7 593	-7 108
1992	1 844 647	-19 184	1 116	-20 300
1993	1 825 463	-18 049	-4 690	-13 359

Окончание табл. 2

	Численность населения (на 1 января)	Общий прирост за год	Естественный прирост за год	Миграционный прирост за год
Амурская область				
1990	1 055 337	–1 076	8 036	–9 112
1991	1 054 261	–5 612	5 534	–11 146
1992	1 048 649	–19 133	2 367	–21 500
1993	1 029 516	–11 109	–1 815	–9 294
Камчатская область				
1990	476 911	1 630	2 939	–1 309
1991	478 541	–2 554	2 462	–5 016
1992	475 987	–17 088	1 295	–18 383
1993	458 899	–19 149	–550	–18 599
Магаданская область				
1990	552 411	–9 830	4 713	–14 543
1991	542 581	–29 340	3 638	–32 978
1992	513 241	–65 217	1 586	–66 803
1993	448 024	–36 445	–441	–36 004
Сахалинская область				
1990	713 981	1 352	4 303	–2 951
1991	715 333	–1 013	2 482	–3 495
1992	714 320	–7 669	865	–8 534
1993	706 651	–18 013	–2 257	–15 756
Всего по ДВ				
1990	6 933 317	11 262	44 028	–32 766
1991	6 944 579	–33 204	28 966	– 62 170
1992	6 911 375	–140 043	7 697	–147 740
1993	6 771 332	–121 474	–17 519	–103 955

Составлено автором по: [11; 28].

В 1950—1980-е гг. общий тренд этой динамики оставался повышательным, но темпы прироста по десятилетиям снизились с 145,1 до 113,9%². Весь советский опыт показывал, что без солидных государственных инвестиций и сбалансированного развития экономико-социальной среды удержать на добровольных началах население в регионе нелегко, что демонстрировали постоянно высокие обороты миграций. В 1970—1980-е гг. в стимулировании их восточного вектора упор стал делаться не только на сугубо материальные факторы в виде комплекса льгот и надбавок к зарплате, но и на выравнивание разницы с западными территориями в общих условиях жизни.

² Рассчитано автором по данным статистических ежегодников «Народное хозяйство РСФСР».

На XXVII съезде партии в 1986 г. была выдвинута задача ускорения развития восточных районов СССР на основе «комплексного решения производственных задач и развития всей социальной инфраструктуры в интересах улучшения условий труда и жизни людей», что было зафиксировано в новой редакции программы КПСС и подчёркивало стратегическую важность данного направления [15, с. 146]. Особенностью планов экономического развития на 12-ю пятилетку (1986—1990 гг.) было то, что декларировалась опора на интенсификацию производства. Впервые практически весь прирост национального дохода намечалось получить за счёт производительности труда [15, с. 233, 277].

Однако для Дальнего Востока, который за долгие годы политики хозяйственного освоения был превращён в сырьевую провинцию с невысокой экономической эффективностью, постоянным дефицитом трудовых ресурсов и общей зависимостью от государственного патронажа, целевые установки 12-й пятилетки не только были нереальными, но и ставили под угрозу его поступательное развитие. По-прежнему сохранялись сырьевая специализация региона и широкий фронт транспортного и топливно-энергетического строительства, что требовало значительных капиталовложений и привлечения рабочей силы. Миграционная политика на Дальнем Востоке по существу не менялась, однако в государственные проекты было принесено тактическое обновление, выразившееся в обещании «обеспечить опережающий рост уровня жизни населения» [15, с. 320].

Этот оптимистичный настрой нашёл отражение и в Комплексной программе развития Дальнего Востока до 2000 г., принятой в 1987 г. В ней была поставлена задача сформировать высокоэффективный хозяйственный комплекс, способный развиваться в основном за счёт собственных ресурсов и включения в мировое разделение труда. На эти цели планировалось выделение почти 200 млрд руб. Однако с началом реализации программы существенного перелома в развитии Дальнего Востока не произошло. До 1987 г., скорее по инерции, темпы роста экономики ещё поддерживались достаточно высокими, но затем начался спад. В 1989 г. министерства и ведомства, ссылаясь на переход к рыночным отношениям, резко ограничили инвестиции (их суммарное выполнение составило лишь 30%), а собственных источников финансирования у региона практически не имелось, поэтому он вошёл в состояние затяжного кризиса [4, с. 190—202; 14, с. 17].

Естественно, что и социальная составляющая Комплексной программы была выполнена лишь частично, хотя в первые годы перестройки произошла определённая активизация в этой сфере, в частности, в развитии её инфраструктуры. Например, по вводу в строй жилья 12-я пятилетка во всех дальневосточных краях и областях была наиболее продуктивной. Тем не менее по обеспеченности жильём Дальний Восток продолжал занимать одно из последних мест в РСФСР. С 1990 г. объёмы жилищного строительства стали быстро уменьшаться [1, с. 187; 18, с. 200; 3, с. 149, 176].

К концу рассматриваемого периода уровень жизни дальневосточников резко упал. Развивался дефицит продуктов и потребительских товаров, на-

блюдался галопирующий рост цен. К 1990 г. была введена система распределения основных продуктов питания по талонам. В начале 1991 г. прекратилось федеральное финансирование выплаты районного коэффициента 1,7 к зарплате жителей северных районов. В целом льготы и надбавки обесценились и утратили свою стимулирующую функцию [17, с. 279—280; 7, с. 75].

Таблица 3

**Проектные показатели численности населения
по Комплексной программе развития Дальнего Востока (1987 г.)**

	численность населения (тыс. чел.)			темпы роста (%) к уровню 1985 г.
	1990	1995	2000	
Приморский край	2300	2370,5	2500	114
Хабаровский край	1880	2030,0	2160	123
Амурская область	1100	1154,5	1200	115
Камчатская область	467	495,0	512	118
Магаданская область	609	674,0	734	135
Сахалинская область	740	767,5	793	114
Всего по ДВ	7096	7491,5	7899	122

Составлено автором по: [24].

Всё это напрямую влияло на демографическую ситуацию. По Комплексной программе предполагалось, что численность населения Дальнего Востока к 1990 г. увеличится до 7 млн 96 тыс. чел., а ещё через 10 лет — до 7 млн 899 тыс. Среднерегиональный темп прироста в 1985—2000 гг. должен был составить 122%, а в Магаданской области — целых 135% (табл. 3). Однако уже в 1990 г. обозначилось отставание от намеченных показателей. Привычная динамика наблюдалась лишь до середины пятилетки, а с 1988 г. началось резкое замедление процессов. Во всех краях и областях Дальнего Востока стал снижаться естественный прирост, хотя он ещё сохранял положительное значение. В сфере миграций произошёл эффект маятника: если на предыдущих этапах они определяли высокие темпы прироста населения в регионе в результате целенаправленных усилий государства, то в конце 1980-х гг., когда власть отстранилась от своей долговременной политики, их роль была отрицательной.

Из 30 последних лет советского периода наиболее успешными в привлечении переселенцев были 1971—1985 гг. По пятилетиям миграционный прирост составлял от 146,5 до 183,1 тыс. чел., а его удельный вес в общем демографическом приросте — от 32 до 37% [26, с. 112]. Но в 1986—1990 гг. миграция «принесла» в регион лишь 72,1 тыс. чел. (19%) (табл. 1). Уменьшилась и её результативность: от числа прибывших на месте осталось лишь 4,8%, тогда как в 1971—1975 гг. — 15,1% [19, с. 75]. По справедливому утверждению А.С. Ващук, от бывшего потока новосёлов остался лишь «ручеек», который всё ещё тёк по инерции, поскольку в сознании советских людей Дальний Восток воспринимался как территория высоких заработков [17, с. 280, 282]. Но те, кто жил в регионе, стали массово покидать его.

Наиболее остро это ощутила на себе *Магаданская область*. Стержнем экономики здесь с 1930-х гг. являлась добыча золота и других ценных металлов. С её конъюнктурой, согласно исследованию А.Н. Пилясова, были тесно связаны миграции и колебание численности населения. Бурное развитие отрасли притягивало мигрантов, и, наоборот, падение добычи металлов провоцировало отток. От фазы горнопромышленного освоения зависела и интенсивность заселения районов: чем моложе разработки — тем выше темпы ежегодного прироста населения. Староосвоенные же районы неизбежно приходили в упадок. Общая экономическая ситуация в области была благоприятной в конце 1950-х — середине 1970-х гг., но затем она поменялась в худшую сторону: начался спад добычи золота и рост его себестоимости, усугублялись экологические проблемы. Это совпало с трудоресурсным дефицитом в стране и снижением инвестиционной привлекательности золотодобычи, т.к. выросшие цены на нефть оттягивали государственные капиталовложения на район Тюмени.

Вследствие этого в 1980-е гг. устоявшийся характер демографического развития был нарушен. Обнажились контрасты между старо- и новоосвоенными районами. Динамику роста какое-то время сохраняли лишь молодые горнопромышленные районы и мало зависимые от миграций территории с высокой долей народностей Севера. В 1983 г. миграционная убыль населения началась в Тенькинском районе, 1985 г. — Сусуманском, 1986 г. — Провиденском и Шмидтовском.

В 1987 г. органы статистики впервые за длительный период зафиксировали суммарное по области превышение миграционного оттока над притоком (за счёт ЧАО и 8 районов) [6, с. 14, 15, 112—113, 138; 23, с. 24—56]. По нашим же подсчётам, это явление началось на год раньше (табл. 1), что свидетельствует о возникновении его причин ещё на предыдущем этапе. Но перестройка резко обострила ситуацию. Ослабление государственной поддержки, повышение оптовых цен и развал хозяйственных связей привели к ухудшению технической оснащённости предприятий. Снизились бюджетные ассигнования на геологоразведку. Производство стало сокращаться, возник товарный дефицит. В горняцких коллективах вспыхнули забастовки. Всё это вызвало нарастающий отток работников из предприятий горнопромышленного комплекса. В 1989—1990 гг. миграционная убыль охватила все районы области, а с 1991 г. и последнюю «точку притяжения» — Магадан. Из перестроечных лет 1990-й стал годом самой неблагоприятной экономической ситуации. Не удивительно, что в 1991 г. отрицательное сальдо миграции многократно возросло: по наличному населению до — 24,4 тыс. чел., по постоянному — до — 34 тыс. (табл. 1, 2).

Таким образом, в каждом году перестройки миграционный отток охватывал всё новые и новые районы Магаданской области. Суммарные потери наличного населения за 1986—1991 гг. составили 55,8 тыс. чел. Естественное воспроизводство уже не в состоянии было их компенсировать. Область первая среди дальневосточных территорий вошла в состояние миграционной (с 1986 г.) и общей (с 1988 г.) убыли населения (табл. 1).

Кажется удивительным, но соседняя *Камчатская область* со сходными природно-климатическими и социальными условиями в демографическом плане пережила перестройку не так остро, хотя в её экономике, как и везде, произошёл перелом в негативную сторону. В 1988 г. начался спад производства на предприятиях рыбной, лесной, деревообрабатывающей, лёгкой промышленности, металлообработки, судоремонта, уменьшилось производство продовольственных товаров, стала сокращаться численность занятого населения [25, с. 4, 6, 19, 29].

Однако до 1992 г. здесь сохранялся рост общей численности населения, хотя миграции с 1989 г., имея нулевое сальдо, уже не влияли на этот процесс (табл. 1). Можно предположить, данная особенность связана с тем, что стержнем местной экономики являлась рыбная промышленность (до 80% валового продукта), которая на Дальнем Востоке в годы перестройки развивалась наиболее успешно [18, с. 198]. С наступлением кризиса она частично ушла «в тень», что позволяло работникам этой сферы как-то держаться на плаву.

На Камчатке продолжали активно использовать оргнабор в качестве формы привлечения кадров. В 1985—1988 гг. таким путём было трудоустроено 13,7 тыс. чел. (30% от общего числа принятых). Однако ежегодно их число уменьшалось, а выбытие по окончании сроков договора (1985—1988 гг. — 18,1 тыс. чел.) не покрывало притока [25, с. 69].

Определённую роль в торможении миграционной убыли сыграли военные и их семьи, составлявшие заметную долю в структуре относительно малочисленного населения: на полуострове размещались флотилия атомных подводных лодок, пограничный округ, космические войска и др. части.

Если спад производства начался в 1988 г., то социальная атмосфера накалилась в 1990 г. Главной причиной был кризис системы снабжения, который на Камчатке и в других северных регионах усугублялся тем, что эта система держалась на плановом обязательном завозе. К концу перестройки «на материке» многие предприятия-поставщики реорганизовались в акционерные общества и перестали соблюдать дисциплину поставок. В области начались перебои с продовольствием, снизились темпы строительства, сократился завоз грузов на побережье [12, с. 351—353].

Не случайно постоянное население Камчатки как минимум с 1990 г. стало давать миграционную убыль, а с 1991 г. — общую. И лишь наличное население продолжало расти до конца советского периода (табл. 1, 2), свидетельствуя, что обеспечивали эту тенденцию временные жители.

Несколько иначе развивалась ситуация в *Сахалинской области*. Весь послевоенный период сценарий демографического развития характеризовался здесь сильными колебаниями. С 1946 по 1956 г. население области росло, но затем началась длительная (до середины 1970-х гг.) полоса миграционного отлива и уменьшение (до 1971 г.) общего числа жителей. В 1982—1983 гг. и с 1988 г. соотношение прибывших и уехавших вновь характеризовалось отрицательной величиной. Тем не менее более высокий естественный прирост

всё-таки позволял сохранять ежегодное увеличение наличного населения с 1971 по 1992 г. [5, с. 7; 27], постоянного — до 1991 г. (табл. 2).

Такая линия развития объясняется сложным сочетанием нескольких факторов, в числе которых большие государственные вложения в освоение и советизацию присоединённых территорий после войны, неравномерность развития некоторых отраслей (нефть, уголь, лес, рыба), частые стихийные бедствия, последствия пересмотра т.н. северных льгот (1956, 1960, 1967), и др. Неоднозначным было и участие государства в организации переселения на Сахалин. Если во второй половине 1940-х — 1950-е гг. использовались все существовавшие в СССР мобилизационные формы миграций (промышленные, сельскохозяйственные, принудительные, вербовка рабочих в КНДР), то в дальнейшем ставка была сделана только на обеспечение промышленности советскими кадрами (оргнабор, перевод и вызов предприятиями и т.д.).

В 1965—1975 гг. в области наблюдались довольно быстрые темпы роста промышленного производства (6,6—7,4%), но уже в следующей пятилетке они резко упали (2,8%), что было связано с исчерпанием легкодоступных ресурсов, на добычу которых и была ориентирована местная экономика. В то же время сельское хозяйство при мощных инвестициях центра развивалось как никогда успешно, но и в этой отрасли темпы роста замедлились. Сильнейший ущерб ей в 1981 г. нанёс разрушительный тайфун «Филлис» [30, с. 114—121]. Аналитики считают, что именно его последствия спровоцировали отлив населения с Сахалина в 1982 и 1983 г. [27].

Несмотря на некоторую неравномерность развития, в 1960-е — середине 1980-х гг. экономика области заметно укрепилась. В этом же направлении шла и социальная сфера. Благодаря настойчивости первого секретаря Сахалинского обкома КПСС П.А. Леонова, осуществлялась широкая программа по социальному и культурному строительству (хотя полностью решить все проблемы, особенно жилищную, так и не удалось). Всё это способствовало стабилизации населения и увеличению общей численности. Тем не менее обратная миграция сохранялась. В наибольшей степени отток шёл из сельской местности, особенно из центральной и северной частей острова [29, с. 79, 88—90, 93—95].

Проблемой долговременного характера была неравномерность внутритерриториального развития Сахалина, вызванная географической зависимостью от экономической дифференциации районов: юг области значительно опережал её север. Именно там была сосредоточена и численно росла основная часть островного населения. В центральных же и северных районах размещались главным образом небольшие посёлки при предприятиях рыбной, лесной и угольной промышленности, за исключением районов нефтегазового производства (Охинского, Ногликского). Из-за скорой выработки угля на малых месторождениях, вырубке лесов и прекращения прибрежного лова рыбы часть посёлков (в основном по западному побережью) закрылась. В течение ряда десятилетий в Александровск-Сахалинском, Томаринском, Долинском и Углегорском районах

складывался отрицательный миграционный баланс. Постепенно западный берег Сахалина почти обезлюдел, уменьшилось число рыбацких посёлков и на восточном берегу. А к началу 1980-х гг. из-за бездорожья в центре острова стали исчезать и сельские поселения [29, с. 80, 92—93; 13, с. 44].

В целом по области городское население в 1970—1980-е гг. ежегодно росло, но сельское имело длительный период сокращения с конца 1950-х до 1977 г., потери которого так и не были возмещены в последующие 1978—1989 гг. прироста [5, с. 7].

Во время перестройки, несмотря на возраставшие до 1990 г. капитальные вложения, замедление темпов экономического развития Сахалинской области продолжилось, а с 1990 г. начался его спад. Высокозатратное производство, к которому относилось большинство предприятий, не могло развиваться без поддержки государства. С 1989 г. упали добыча угля, производство рыбных консервов, бумаги, картона, с 1990 г. сократились добыча нефти, газа, рыбы, вывоз древесины. Сельское хозяйство к концу 1980-х гг. достигло максимального уровня развития, однако лишилось «шефской помощи» горожан, из-за чего с 1990 г. совхозы начали сокращать посевные площади и поголовье скота [30, с. 121—125].

Высокие заработки и накопленный экономико-социальный потенциал всё ещё сдерживали массовое «бегство» на материк и до конца советского периода позволили сохранить общий прирост наличного населения, но его миграционная убыль началась с 1988 г. (табл. 1).

Наиболее развитыми, заселёнными и комфортными для проживания территориями Дальнего Востока были *Приморский* и *Хабаровский края*. Структура экономики в них, несмотря на характерную для всего региона сырьедобывающую направленность (рыба, лес, уголь, полиметаллы), отличалась большей сбалансированностью, лучшим развитием других отраслей, в том числе тяжёлой и лёгкой индустрии, военно-промышленного комплекса, энергетики, транспорта, сельского хозяйства. Такие города, как Владивосток и Хабаровск, являясь дальневосточными центрами культуры, высшего образования, здравоохранения, всегда привлекали мигрантов. Эти факторы обеспечивали большую демографическую стабильность. Несмотря на то, что Приморский и Хабаровский края переживали сходные с остальными районами Дальнего Востока экономические и социальные проблемы, у них был так называемый запас прочности, поэтому они испытали влияние кризиса последними. Соседняя *Амурская область* отличалась от них опорой на сельскохозяйственную отрасль, одновременно занимая последнее место в регионе по развитию промышленности, что делало её более уязвимой.

Население юга Дальнего Востока в доперестроечный период росло достаточно динамично. В силу староосвоенности территории и специфики производства миграции играли здесь меньшую, но всё же заметную роль. Среди них преобладали самоотёчные переселения, но для пополнения трудовых ресурсов использовались и организованные формы — оргнабор рабочих, общественные призывы молодёжи, вербовка демобилизованных

воинов и др. Большой поток мигрантов в 1960—1985 гг. шёл на ударные комсомольские стройки — БАМ, Приморскую ГРЭС и Зейскую ГЭС, порт Восточный и др. Значимым демографическим компонентом были также военнослужащие, особенно в Приморском крае, где размещалась главная военно-морская база СССР на Тихом океане. В отличие от северо-восточных областей на юг Дальнего Востока направлялись и плановые сельскохозяйственные переселенцы. В 1961—1985 гг. в колхозы и совхозы Амурской области, Приморского и Хабаровского краёв прибыло 115,5 тыс. таких семей [26, с. 89].

Однако значение мобилизационных форм в пополнении трудовых ресурсов неуклонно уменьшалось и в годы перестройки достигло минимума. Так, доля оргнабора в 1980-е гг. снизилась до 3—5%, многие предприятия полностью от него отказались. Ударные же комсомольские стройки к середине 1980-х гг. были завершены. Стали затухать и плановые переселения. Например, в Приморье в 1971—1985 гг. направлялось почти по 11 тыс. семей сельхозпереселенцев за пятилетие, но в 12-й пятилетке — только 5,6 тыс. Последние такие новосёлы прибыли в край в 1987 г. [26, с. 89, 92; 2, с. 128—129]. Эта форма трудоустройства была, пожалуй, наиболее ощутимой для Амурской области в силу её отраслевой специализации. Однако закрепляемость мигрантов на селе всегда была невысокой, а в 1985—1991 гг. она лишь ухудшилась. Несмотря на то, что на Дальнем Востоке наметились позитивные сдвиги в аграрной сфере, развитии производства, жилищном строительстве, системе образования и здравоохранения, рост потребностей был выше, чем возможности их удовлетворения. В этих условиях и в связи с нарастающим кризисом льготы, пособия и районные коэффициенты к зарплате уже не срабатывали как стимулирующие меры. Люди уезжали из села, проблема трудоустройства обострялась [14, с. 20].

Общий оборот миграций по всем трём южным районам Дальнего Востока был достаточно высоким, но длительное время имел устойчивое положительное сальдо. «Подпитка» численности населения шла не только со стороны западных регионов, но и за счёт внутрирегионального перераспределения. Многие дальневосточники переезжали сюда из северных и островных районов, особенно в неблагоприятные годы.

Частично компенсировали убыль населения новые потоки прибывших, возникшие в СССР в конце перестроечных лет. Один из них — вынужденная миграция и беженство. В 1987—1988 гг. появились азербайджанцы и армяне из Нагорного Карабаха, корейцы из Казахстана и Средней Азии [2, с. 132—133]. Тогда этот процесс ещё не был массовым, но он ясно обозначил своё начало и заметно усилился с распадом СССР.

Другой поток представлял собой иностранную трудовую миграцию. Нельзя сказать, что это явление было новым для региона. Как известно, прерванное в 1930-е гг., оно возобновилось сразу после войны в виде вербовки рабочих из КНР (1945—1948 гг.) и КНДР (со второй половины 1940-х гг.). К началу перестройки на лесоразработках в Хабаровском

крае и Амурской области работало около 20 тыс. северных корейцев, но они находились в изолированных местах производства и почти не имели контактов с советскими гражданами.

С середины 1980-х гг. в стране произошли позитивные изменения в сфере внешней миграции, были упрощены правила выезда и въезда в СССР, в 1988 г. разрешили прямые контракты между советскими и иностранными предприятиями по вопросу о найме рабочей силы [7, с. 78, 87]. Всё это оказалось весьма кстати для Дальнего Востока с его обострившимся трудовым дефицитом. В южной части региона наряду с рабочими из КНДР в 1986—1988 гг. появились мигранты с Кубы, из Вьетнама и КНР.

Несмотря на малочисленность вновь прибывших (около 5 тыс. чел. в 1989 г. [4, с. 114]), их появление было знаковой вехой для дальнейшего развития международной миграции. Особое значение имело присутствие в этом потоке граждан КНР, явившееся результатом нормализации советско-китайских межгосударственных отношений. По данным В.Л. Ларина, экспорт китайской рабочей силы в СССР, начатый в 1986 г., в конце десятилетия стал быстро расти. В 1990 г. он принёс на Дальний Восток по некоторым оценкам 10 тыс. чел. [16, с. 107—109].

В целом Приморский и Хабаровский края, будучи наиболее развитыми среди дальневосточных территорий в экономико-социальном плане, оказались и устойчивее в отношении миграционного прироста, который сохранял положительное сальдо по наличному населению до конца советской эпохи (если не считать небольшого «сбоя» в Хабаровском крае в 1990 г.). Амурская же область «продержалась» только до 1989 г. По постоянному населению отток стал превышать приток почти во всех краях и областях Дальнего Востока как минимум с 1990 г., кроме Приморского края, где этот процесс начался на год позже (табл. 1, 2).

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы. Негативные явления демографического развития, с которыми Дальний Восток столкнулся в годы перестройки, уходили своими корнями в предыдущие этапы позднесоветской истории. Несмотря на то, что с конца 1940-х гг. общая численность населения региона неуклонно росла, темпы этого прироста постепенно снижались, что было связано с замедлением общеэкономического развития Дальнего Востока, а также истощением миграционных ресурсов страны. К середине 1980-х гг. каждый из дальневосточных краёв и областей наряду с достижениями накопил и специфические проблемы в производстве, социальной сфере, территориальном размещении населения. Планы 12-й пятилетки и Комплексной программы 1987 г. показывают, что власть отразмышляла эти проблемы, однако не было создано механизмов перехода к новым принципам развития. В годы перестройки Дальний Восток по-прежнему держался на финансовых и материальных вложениях государства. Как только они иссякли и стала рушиться система экономических связей, в регионе начался кризис. В результате не только обострились все накопленные трудности, но и возникли новые. Негативная реакция населения шла по нарастающей и имела тесную зависимость

от специфики и «запаса прочности» местной экономико-социальной сферы. В демографическом плане переломными были 1988—1989 гг.: началось уменьшение естественного прироста, вектор миграций стал меняться с западного на восточный. В течение периода перестройки миграционная убыль наличного населения постепенно охватила четыре из шести субъектов Дальнего Востока: с 1986 г. — Магаданскую область, 1988 г. — Сахалинскую, 1989 г. — Амурскую, в 1990 г. эпизодически затронула Хабаровский край. С 1988 г. падает общая численность жителей Магаданской области, с 1989 г. суммарный миграционный отток по Дальнему Востоку стал превышать приток. Особенно тревожным был более высокий уровень утечки постоянного населения, фиксирующийся с 1990 г. в пяти краях и областях региона, а с 1991 г. — во всех шести. Если численность наличного населения везде, кроме Магаданской области, продолжала расти до конца советского периода, то постоянное население ещё до распада СССР стало сокращаться в Магаданской, Амурской, Камчатской, Сахалинской областях и суммарно по Дальнему Востоку, а с 1992 г. — в Приморском и Хабаровском краях, что свидетельствует о более раннем и глубоком развитии демографического кризиса, чем это принято считать.

С 1988 г. началось повсеместное уменьшение числа рабочих и служащих. Только за три года (1988—1990) их общая убыль по региону составила 166 тыс. чел., в том числе в Хабаровском крае — 43 тыс., Приморском крае и Магаданской области — по 37 тыс., Сахалинской области — 27 тыс., Камчатской — 12 тыс., Амурской — 10 тыс.³ Но перестройка открыла двери иностранной рабочей силе, которая хотя и в малой степени, но стала замещать потерю трудовых ресурсов, а в дальнейшем превратилась в их значимый сегмент.

К 1991 г. численность постоянного, а к 1992 г. и наличного населения Дальнего Востока достигла своего исторического пика. И это была «точка невозврата»: регион вошёл в полосу длительной демографической деградации, которая продолжается по сей день. Общие потери населения таковы, что в видимой перспективе компенсировать их не представляется возможным.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Ващук А.С. Социальная политика в СССР и её реализация на Дальнем Востоке (середина 40—80-х гг. XX в.). Владивосток: Дальнаука, 1998. 212 с.
2. Ващук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Королёва В.А., Дудченко Г.Б., Герасимова Л.А. Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. Владивосток: ДВО РАН, 2002. 228 с.
3. Власов С.А. Жилищное строительство на Дальнем Востоке (1946—1991 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2008. 204 с.
4. Дальний Восток России: экономическое обозрение / под ред. П.А. Минакира. М.: Прогресс-комплекс экопрос, 1993. 156 с.
5. Дальний Восток России: экономическое обозрение. Приложения / под ред. П.А. Минакира. М.: Прогресс-комплекс экопрос, 1993. 124 с.

³ Подсчитано по: [20, с. 36; 21, с. 113].

6. Динамика расселения и демографической ситуации в Магаданской области (1954—1990 гг.): стат. сб. / сост. и комментарий А.Н. Пилясова. Магадан, 1992. 141 с.
7. Друзяка А.В. Исторический опыт государственного регулирования внешней миграции на юге Дальнего Востока России (1958—2008 гг.). Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2010. 290 с.
8. Естественное движение и миграция населения за 1990 год: стат. бюллетень. Магадан: обл. управление статистики, 1991. 43 с.
9. Естественное движение и миграция населения за 1991 год: стат. бюллетень. Магадан: обл. управление статистики, 1992. 39 с.
10. Естественное движение населения по Дальневосточному району в 1987 году: стат. сб. Владивосток: Приморское краевое управление статистики, 1989. 61 с.
11. Естественный прирост населения за год // fedstat.ru: Единая межведомственная информационно-статистическая система РФ. URL: <http://www.fedstat.ru/indicator/data.do?id=31018> (дата обращения: 11.04.2014).
12. Камчатка во второй половине XX века (воспоминания современников). М.: Молодая гвардия, 2005. 494 с.
13. Корсунская Н.Д. Заселение Сахалина при Чехове и до наших дней // Слово и мысль А.П. Чехова в культурном пространстве XX века (VII Чеховские чтения). Южно-Сахалинск: Изд-во «Лукоморье», 2004. С. 41—45.
14. Корякина Е.В. Социальное развитие села Юга Дальнего Востока в годы перестройки (1985—1991 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Благовещенск, 2009. 23 с.
15. КПСС. Съезд (27; 1986; Москва). Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М: Политиздат, 1986. 352 с.
16. Ларин В.Л. Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х: проблемы регионального взаимодействия. Владивосток: Дальнаука, 1998. 284 с.
17. Миграции населения Азиатской России: конец XIX — начало XXI вв. Новосибирск: Параллель, 2011. 392 с.
18. Минакир П.А. Экономика регионов. Дальний Восток. М.: ЗАО «Издательство „Экономика“», 2006. 848 с.
19. Мотрич Е.Л. Население Дальнего Востока России. Владивосток — Хабаровск: ДВО РАН, 2006. 224 с.
20. Народное хозяйство РСФСР в 1988 г.: стат. ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1989. 688 с.
21. Народное хозяйство РСФСР в 1990 г.: стат. ежегодник. М.: Республик. инф.-издат. центр, 1991. 592 с.
22. Население СССР. 1987: стат. сб.: М.: Финансы и статистика, 1988. 439 с.
23. Пилясов А.Н. Динамика промышленного производства в Магаданской области (1932—1992 гг.). Ч. 1. / СВКНИИ ДВО РАН, Магаданск. обл. управление статистики. Магадан, 1993. 259 с.
24. Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 19.08.1987 № 958 «О комплексном развитии производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 года». URL: <http://www.bestpravo.ru/sssr/gn-gosudarstvo/y2a/page-3.htm> (дата обращения: 14.03.2014).
25. Промышленность Камчатской области: стат. сб. Петропавловск-Камчатский: Обл. управление статистики, 1989. 83 с.
26. Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М.: Наука, 1990. 138 с.
27. Рязанцева А. Едет новосёл на Сахалин // Советский Сахалин. 1988. 25 июля.
28. Численность постоянного населения на 1 января // fedstat.ru: Единая межведомственная информационно-статистическая система РФ. URL: <http://www.fedstat.ru/indicator/data.do> (дата обращения: 11.04.2014).
29. Щеглов В.В. Население Сахалинской области в XX веке. Южно-Сахалинск: Изд-во ЮСИЭПИ, 2002. 149 с.
30. Экономика Сахалина: учеб. пособие для вузов / под ред. Бок Зи Коу и М.С. Высокова. Южно-Сахалинск: Сахалинское обл. кн. изд-во, 2003. 308 с.